

РУССКОМУ ВѢСТНИКУ.

По поводу одной изъ нашихъ статей объ іерархіи англиканской церкви (Б. В. Мартъ) какой-то удивительный критикъ обрушился на насъ въ Іюньской книжкѣ Русскаго Вѣстника. (Библиографія, стр. 344—349). Онъ написалъ всего пять страницъ, но вотъ какіе перлы обличительнаго краснорѣчія можно встрѣтить на этихъ немногихъ страницахъ: *„авторъ“*, говоритъ онъ объ насъ, *„не точно передаетъ чинъ таинства священства нашей Православной церкви, да кажется не силенъ и въ чинахъ другихъ нашихъ таинствъ“*. По поводу нашихъ словъ, что „Православная восточная церковь въ своемъ чинѣ рукоположенія во всѣ три священныя степени никогда не употребляла обряда врученія орудій и доселѣ его не употребляетъ“, критикъ ставитъ три вопросительныхъ и два восклицательныхъ знака и затѣмъ продолжаетъ: *„кѣ сожалѣнію, авторъ, большой охотникъ до иностранныхъ цитатъ, не указавъ, откуда, у какого нѣмца или іезуита онъ заимствовалъ это крупное открытіе. Но несомнѣнно, что если бѣ онъ самостоятельно и по надлежащимъ источникамъ писалъ о православномъ чинѣ таинства священства, онъ обратился бы къ архіерейскому „Чиновнику“ ...* Упомянувъ далѣе о врученіи новопосвященному православному пресвитеру Пречистаго Тѣла Христова, критикъ говоритъ: *„забытъ или умолчать о немъ можно развѣ только изъ.... любезности къ англиканамъ“*. Затѣмъ критикъ продолжаетъ: *„совсѣмъ непонятно, почему авторъ замалчиваетъ православную церковную практику въ другомъ мѣстѣ“*.... Послѣ дальнѣйшаго развитія здѣсь своей мысли, онъ опять на особой строкѣ ставитъ три вопросительныхъ и два восклицательныхъ знака. Наконецъ, мы

читасмъ у него: „такіе промахи невольнo заставляють сомнѣваться въ достоинствѣ и всѣхъ статей Богословскаго Вѣстника объ англиканской церкви. Но мы вовсе не намырены критически разбирать и оцѣнивать ихъ. Мы желали лишь констатировать фактъ и то общее наблюдение, что православные сторонники сближенія съ англиканами... для оправданія своихъ симпатій неизбежно должны впасть въ забвеніе (не въ игнорированіе же!?) своихъ православныхъ обычаевъ и обрядовъ и лишь подъ этимъ условіемъ и въ расчетъ на легковѣріе читателя выдаютъ свое „совершенно безразлично“ за „православную точку зрѣнія“. Слишкомъ много они берутъ на себя! Не допускаемъ, чтобъ ихъ безразличіе раздѣляли и духовныя академіи, хотя бы въ ихъ органахъ и находила себѣ пріютъ пропаганда десятивѣковаго христіанства и новоправославныхъ точекъ зрѣнія.

Комплиментовъ по нашему адресу, какъ видите, наговорено здѣсь не мало. Чего только тутъ нѣтъ?! И не точная передача, и недостатокъ свѣдѣній, и нѣмцы съ іезуитами, и ироническое крупное открытіе, и несамостоятельность, и пренебреженіе надлежащими источниками, въ частности архіерейскимъ „Чиновникомъ, и забвеніе, и умолчаніе, и излишняя любезность къ англиканамъ, и замалчиваніе, и промахи, и забвеніе своихъ православныхъ обычаевъ и обрядовъ, и безразличное къ нимъ отношеніе, и расчетъ на легковѣріе читателя, и наконецъ вылазка и по адресу духовныхъ академій! Мы не станемъ касаться вопроса о томъ, насколько такой раздраженно-инсинуирующий тонъ умѣстенъ въ серьезной богословской полемикѣ и соотвѣтствуетъ правиламъ литературныхъ приличій. Къ сожалѣнію, въ подобныхъ случаяхъ очень часто все опредѣляется только темпераментомъ и вкусомъ. Съ своей стороны, мы такому тону не сочувствуемъ и, дорожа достоинствомъ богословской науки, спускаться до него не будемъ. Какую цѣну имѣють всѣ эти рѣчи о нашей некомпетентности, несамостоятельности и пренебреженіи къ надлежащимъ источникамъ прекрасно знаетъ всякій внимательный читатель нашихъ статей, слѣдящій за ихъ цитатами. Считаемъ нужнымъ остановиться только на томъ, что относится къ самой сущности дѣла. Чтобы произносить суровые приговоры, нужно, конечно,

имѣть весьма вѣскія основанія. Посмотримъ, каковы они у нашего критика.

1) Прежде всего, онъ возмущается нашими словами, что „Православная восточная церковь въ своемъ чинѣ рукоположенія во всѣ три священныя степени никогда не употребляетъ обряда врученія орудій и доселѣ его не употребляетъ“. Попрекнувъ насъ нѣмцами и іезуитами и вообразивъ почему-то, что мы съ архіерейскимъ „Чиновникомъ“ не справлялись, хотя выдержки и цитаты изъ него имѣются въ нашей статьѣ въ изобиліи, критикъ заявляетъ, что въ этомъ „Чиновникѣ“ по поводу посвященія во пресвитера мы нашли бы слѣдующее указаніе: „Тотчасъ же по совершеніи таинства Евхаристіи епископъ призываетъ къ себѣ хиротописуемаго іерея и, отломивъ часть отъ Св. Хлѣба („горнюю, яже есть Христосъ“), даетъ ему и при этомъ произноситъ: „Прими залогъ сей и сохрани его цѣль и невредимъ до послѣдняго твоего издыханія, о немъ же имаши истязанъ быти во второе и страшное пришествіе Великаго Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа“. Священникъ, принявъ Св. Хлѣбъ, цѣлуетъ руку архіерея и отошедъ стоитъ „созади“ престола, положивъ на него руки и моляся: „Помилуй мя, Боже“... По возгласѣ „Святая святымъ“ хиротонисанный отдаетъ Св. Хлѣбъ и архіерей полагаетъ его на дискосѣ.—Такимъ образомъ, продолжаетъ критикъ, и въ православномъ чинѣ таинства священства Пречистое Тѣло Христово не только вручается новопосвященному пресвитеру, но и самое „врученіе“ составляетъ самостоятельный обрядъ, строго опредѣленный во всѣхъ подробностяхъ, совершаемый не по изустному преданію, но по напечатанному чину. Забыть или умолчать о немъ можно развѣ только изъ... любезности къ англиканамъ“.

Изумляемся. Въ нашей статьѣ идетъ рѣчь объ обрядѣ *врученія орудій*, а критикъ указываетъ намъ, что „и въ православномъ чинѣ таинства священства *Пречистое Тѣло Христово... вручается* новопосвященному пресвитеру“... Что-же изъ этого? Критикъ, очевидно, не понимаетъ, или не желаетъ понять, что между этими двумя обрядами нѣтъ ничего общаго. Въ нашей статьѣ ясно было сказано, что подъ врученіемъ орудій въ римско-католической церкви разумѣется врученіе посвящаемому „*чаши со смѣшеніемъ*

вина и воды и блюда съ возложенною на немъ гостей“, при чемъ произносились слова, которыми рукополагаемому предоставлялась „власть приносить жертву Богу и совершать миссы“ и т. д... Весь этотъ обрядъ происходилъ до совершенія таинства евхаристіи и вручались такимъ образомъ только *сосуды* и заключавшіяся въ нихъ еще не освященные элементы таинства, которые потому и называются *орудіями* (*instrumenta*). А нашъ критикъ думаетъ видѣть обрядъ врученія орудій въ дѣйствиі, совершающемся уже послѣ освященія даровъ, когда новопосвященному вручается уже *Пречистое Тѣло Христово*. Отнюдь не можемъ согласиться на такое непозволительное сопоставленіе, а потому еще разъ утверждаемъ, что „Православная восточная церковь въ своемъ чинѣ рукоположенія во всѣ три священныя степени никогда не употребляла *обряда врученія орудій* и доселѣ его не употребляетъ“. Мало того, — мы очень сожалѣемъ, что критикъ необдуманно позволилъ себѣ запятнать страницы серьезнаго и уважаемаго нами журнала явнымъ кощунствомъ, приравнивая *Пречистое Тѣло Христово* къ простымъ *орудіямъ*. (*Instrumentum*).

2) Столь-же странный характеръ имѣетъ и второе возраженіе нашего критика. Онъ возстаетъ противъ нашихъ словъ, что „повелительныхъ формулъ Восточная Церковь не употребляетъ и не признаетъ за ними совершительнаго значенія“ и побѣдоносно опровергаетъ насъ ссылкой... на что-бы Вы думали?—на чинъ таинства *покаянія*. Опять намъ приходится только изумляться. Въ своей статьѣ мы вели рѣчь о таинствѣ священства и утверждали, что „Православная восточная церковь *при совершеніи рукоположеній* никогда повелительной формулы не употребляла, какъ нѣтъ ея и въ современныхъ чинопослѣдованіяхъ ни греческой, ни русской церкви“... (стр. 457); но критикъ нашъ, очевидно, желаетъ, чтобы мы каждый разъ, когда употребляемъ слова „*повелительныя формулы*“, непременно прибавляли „*при совершеніи рукоположеній*“. Такъ какъ мы на стр. 480-й такого прибавленія не сдѣлали, то критикъ и нашелъ для себя въ этомъ предлогъ утверждать, что мы будто бы говоримъ не объ одномъ таинствѣ священства, а о всѣхъ таинствахъ вообще, и, вмѣсто того, чтобы вникнуть въ смыслъ читаемаго или просто взглянуть на

предшествующія страницы, предпочель опровергать то, чего мы никогда и не говорили. Такимъ образомъ, и по поводу этого втораго возраженія мы опять должны повторить то-же, что сказали и прежде, а именно, что Православная восточная церковь при совершеніи рукоположеній никогда повелительной формулы не употребляла и не употребляетъ.

3) Наконецъ, критикъ нашъ начинаетъ рассуждать объ обрядахъ и объ ихъ великомъ значеніи. Онъ говоритъ, что „задача православнаго обряда — паглядно выразить сокровенныя истины Христова ученія“; что „его достоинство измѣряется не только вѣками его жизни, а степенью точности и совершенства, съ какими онъ воплощаетъ скрытую въ немъ мысль“; что „никогда измѣненія и замѣны“, производившіяся въ обрядѣ, „не были лишь порожденіемъ произвола кого бы то ни было или безразличнаго отношенія къ тому, принять ли этотъ или тотъ обрядъ, читать ли книгу съ начала или съ конца“. „Безразличіе“, возглашаетъ онъ, „не терпимо въ обрядахъ“. „По произволу отнюдь не допустимо ни измѣненіе, ни уничтоженіе, ни созданіе новаго обряда“... и т. д. Очень хорошія мысли, давно всѣмъ извѣстныя и постоянно повторяющіяся въ учебныхъ руководствахъ по ученію о богослуженіи. Ничего не имѣемъ мы противъ того, чтобы критикъ повторилъ ихъ и опять въ своей замѣткѣ; но, къ сожалѣнію, онъ повторяетъ ихъ не просто для общаго назиданія, а въ качествѣ упрека намъ, будто-бы проповѣдующимъ безразличіе и произволъ въ отношеніи къ православнымъ обрядамъ. Очень жаль, что критикъ нашъ, хотя и „съ большимъ интересомъ слѣдитъ по духовнымъ журналамъ за всѣми статьями объ англиканской церкви“, не достаточно понимаетъ то, что говорится по интересующему его вопросу. Всякій непредубѣжденный и здравомыслящій читатель нашихъ статей, конечно, хорошо знаетъ, что никакого безразличія и произвола въ отношеніи къ православному обряду мы отнюдь не проповѣдуемъ. Изслѣдуя обрядовую сторону православнаго таинства священства и сопоставляя ее съ инославнымъ чиномъ рукоположенія, мы имѣемъ лишь свою задачей опредѣлить, какіе именно изъ обрядовъ Православная Церковь признаетъ существенными для дѣйствительности таинства и какимъ такого значенія не приписываетъ.

Только при такой постановкѣ дѣла и возможно произвести должную оцѣнку обрядовъ и обрядовой стороны таинствъ инославныхъ исповѣданій. Неужели-же нашъ критикъ думаетъ, что Православная Церковь всѣмъ подробностямъ обрядовъ придаетъ одинаково существенное значеніе? Если такъ, то онъ, выступая яко-бы ревнителемъ православія, становится въ прямое противорѣчіе съ Православною Церковію, ибо она допускаетъ напр., въ своемъ лонѣ „единовѣріе“ съ обрядами, отличными отъ общецерковныхъ, и признаетъ дѣйствительность нѣкоторыхъ инославныхъ таинствъ крещенія, миропомазанія и священства, хотя въ этихъ таинствахъ инославныхъ исповѣданій имѣется различіе сравнительно съ православными не только въ обрядахъ, но даже и въ самомъ способѣ ихъ совершенія, напр.: крещеніе чрезъ обливаніе. Какое-же имѣетъ право критикъ обвинять насъ въ забвеніи своихъ православныхъ обычаевъ и обрядовъ, въ проповѣди безразличія и произвола, когда мы указываемъ лишь на образъ дѣйствій нашей Православной Церкви?

Вотъ и весь запасъ аргументовъ нашего критика. При первомъ къ нимъ прикосновеніи обнаруживается ихъ полнѣйшее ничтожество и, вмѣсто кажущихся оснований для суроваго обличенія, получается совершенный нуль. А сколько страшныхъ словъ-то наговорено?! Какая-же, спрашивается, имъ цѣна?

Надѣмся, что, послѣ приведенныхъ разъясненій, читатели станутъ сомнѣваться не „въ достоинствѣ статей Богословскаго Вѣстника объ англиканской церкви“, а въ достоинствѣ такихъ критиковъ, которые, недостойно прикрываясь ревностію о православіи, позволяютъ себѣ рѣзкія полемическія выходки, не имѣя для того *никакихъ* оснований.

В. Соколовъ.
